

УДК 911.3
DOI 10.52575/2712-7443-2025-49-3-601-617
EDN YYHAMK

Оставленные места как неопериферии современности: основные направления исследований

Кузин В.Ю.

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
Россия, 677013, г. Якутск, ул. Кулаковского, 48
vadim-13.06@yandex.ru

Аннотация. В современном мире диспропорции социально-экономического развития не уменьшаются, а, напротив, растут. При этом отстающие территории получили негативный импульс за счёт процесса глобализации и его последствий, а также решений властей в ключе глобализации. Подобные территории получили наименование «оставленные места» – «left behind places». Целью статьи является проведение анализа теоретических основ оставленных мест и выявление основных направлений их исследования. Это было осуществлено благодаря анализу современных и ретроспективных материалов. В результате были определены теоретические основы, основные показатели, сходства и различия с перифериями вообще. Выделено семь основных тематик исследования «оставленных мест»: теоретическое направление, методика определения и типологии, проблемы внутреннего (неоэндогенного) развития, связи оставленных мест с ростом политического популизма и оппозиционных сил, политические меры для решения проблемы оставленных мест, оставленные места Глобального Юга, отдельные темы исследования.

Ключевые слова: оставленные места, развитие, пространство, глобализация, периферия, маргинализация, общество

Для цитирования: Кузин В.Ю. 2025. Оставленные места как неопериферии современности: основные направления исследований. Региональные геосистемы, 49(3): 601–617. DOI: 10.52575/2712-7443-2025-49-3-601-617 EDN: YYHAMK

Left Behind Places as Neo-Peripheries of Modernity: Main Research Directions

Vadim Yu. Kuzin

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University,
48 Kulakovsky St, Yakutsk 677013, Russia,
vadim-13.06@yandex.ru

Abstract. The multidimensional impact of globalization has greatly changed spatial development around the world. As a result, many territories have fallen behind the leading ones. Contemporary science describes them as “left behind places”. The purpose of this paper is to analyze their theoretical foundations, as well as to identify the main directions of their research. The study made it possible to single out two large groups of factors in the formation of “left behind places”, including the situational and fundamental ones, and to trace the connection with the “geography of discontent”. The multiscale manifestation of “left behind places” is associated with the combined influence of such spatial processes as polarization, metropolization, and peripheralization. The author stresses that “left behind places” are not renamed peripheries, but neo-peripheries of modernity that emerged as a result of various factors. The paper provides a visualization of the “left behind places” use frequency, demonstrating their increasing relevance. Seven main themes of the research are discussed in detail: theory, methodologies of definition and typology; problems of internal (neo-endogenous) development; the relationship of “left behind places” to the rise of political populism and opposition forces; policy measures to solve the issue of “left behind places”; “left behind places” of the Global South; and selected research topics.

© Кузин В.Ю., 2025

Keywords: ‘left behind places’, development, space, globalization, periphery, marginalization, society

For citation: Kuzin V.Yu. 2025. Left Behind Places as Neo-Peripheries of Modernity: Main Research Directions. Regional Geosystems, 49(3): 601–617 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7443-2025-49-3-601-617 EDN: YYHAMK

Введение

Социально-экономическое развитие под влиянием глобализации, вопреки многим оптимистичным прогнозам (основанными на наблюдавшейся в 1950–60-х гг. дивергенции), не только не уменьшило, а, напротив, увеличило диспаритеты пространственного развития. Всё отчётливей стал проявляться многоаспектный и многовекторный «разрыв» центров (глобальных городов, обучающих регионов и т. п. наименований) и периферий. Он, наряду с разнородными количественными показателями, был во многом качественным, закрепившим и трансформировавшим различия между первыми и вторыми территориями в новых условиях мирового рынка, распада социалистической системы, ускоренного внедрения инноваций и формирования новых организационных форм производства. Периферийные территории приобрели новый импульс своего антиразвития в результате совокупного влияния многих факторов, основные из которых (но не единственные) – глобализация и решения властей в её контексте. Последствием этого стало изменение «старых» и формирование «новых» периферийных зон в новом качестве, получивших широко распространившееся наименование «*left behind places*» – «оставленные места» (и синонимы на других языках, о которых ниже). Их исследование не только стало актуальным направлением работ зарубежных (в первую очередь западных) учёных, но и многоаспектным, охватывающим социально-экономические, политические, культурологические, экологические, демографические, политические аспекты.

Объекты и методы исследования

Цель исследования – провести анализ теоретических основ «оставленных мест» и выявить основные направления их исследования. Для её выполнения были отобраны исследования по данной тематике, включая статьи, монографии, материалы конференций без ограничения временного интервала (при этом отмечено, что большинство таких публикаций относятся к 2022–2024 гг.). Использовались работы специалистов (в основном иностранных) по тематике «оставленных мест» с основным фокусом на социально-экономические (общественно-географические) исследования.

Сам анализ включает: краткую историю, объяснение сущности «оставленных мест», выделение факторов формирования, существующие теоретические проблемы, основные используемые показатели, однотипные и специфические свойства в сравнении с перифериями, визуализацию частоты использования по запросу «*left behind places*» с помощью сервисов *Google Ngram* и *Google Trends*.

После этого «оставленные места» на основе методов анализа и синтеза обобщены для выделения основных направлений. Каждое из них также отдельно анализировалось с выделением характерных и специфических особенностей. Всего было отмечено семь основных исследовательских направлений (теоретическое, методики определения и типологии, проблемы внутреннего (неоэндогенного) развития, связи «оставленных мест» с ростом политического популизма и оппозиционных сил, политические меры для решения проблемы «оставленных мест»; оставленные места Глобального Юга; отдельные темы исследования). Также отмечаются возможности практического использования и исследовательские перспективы изучения тематики «оставленных мест».

Результаты и их обсуждение

В географическом аспекте термин «оставленные места» впервые использовался в американских исследованиях 1970-х гг. для обозначения сельской бедности [Fuguitt, 1971], а позже – в 1980-1990-е гг. – деградирующих в экономическом и социальном плане американских городов [Thomas, 1991]. После этого на достаточно долгое время термин был фактически забыт. Однако целый ряд масштабных экономических и политических событий 2000–2020-х гг. – мировой финансовый кризис 2008–2009 гг., *Brexit*, пандемия *COVID-19*, обострение международной обстановки после начала СВО в 2022 году – актуализировали изучение периферийных зон на новой, политико-глобалистской, основе. Стало ясно, что анализ и изучение их специфики на уже существовавшей базе понимания отстающих территорий не имманентны современному миру. В этой связи подходы к изучению «оставленных мест» оказались органичны противоречиям и трендам глоболизирующегося мира. Они логично дополнили ранее использованный теоретический ряд «разрывов», «дисбалансов», «разделений» [MacKinnon et al., 2022]. Подтверждением этого может служить рост как числа публикаций по тематике, так и организация специальных секций конференций [Special Session 66..., 2024] и выпусков научных журналов [Cambridge Journal of Regions..., 2024].

Общепринятой формулировки «оставленные места» не сформировалось, однако на основе анализа существующих исследований можно предложить следующую: «оставленные места» – это новые периферийные или бывшие центральные территории, трансформированные под влиянием разнородных процессов глобализации, рыночных колебаний, технологических изменений, продолжительных центростремительных процессов, геополитических и внутривнутриполитических событий.

Генерализовано можно выделить две большие группы факторов формирования «оставленных мест»: ситуативные и фундаментальные. К первым относятся факторы, оказывающие прямое и сильное влияние на конкретную территорию, а именно: истощение запасов полезных ископаемых, колебание цен на сырьё и продукцию, закрытие предприятий, их перенос или репрофилирование, новые технологии и инновации, сокращение дотаций и выплат и т. п. К фундаментальным относятся: глобализация и её последствия, решения властей в контексте глобализации, смена административно-командной экономической системы на рыночную (стоит оговориться, что зарубежные исследователи оставляют примат исключительно за глобализацией, что верно для стран западных, и в какой-то мере – для развивающихся, но не для постсоциалистических, для которых только её явно недостаточно). Они создают основу проявления уже ситуативных факторов, закрепляя «оставленность».

Именно она выраженно реформирует пространство, создавая новые конкурентные преимущества и концентрируя ресурсы (равно как и технологии) в небольшом числе центров, ускоряющих своё развитие и неизбежно опережая территории-аутсайдеры. Притом данное отставание имеет не только социально-экономический аспект (что логично), но и культурный, политический, демографический. Многоаспектность отставания оставленных мест одновременно указывает на их принадлежность к периферийным (маргинальным, сжимающимся и т. п.) территориям, и в то же время – на их особенность, выражающуюся в объективно-субъективных факторах формирования. Это расширяет рамки исследования неравенства в географическом плане [Pike et al., 2023].

Следствием этого стало формирование так называемой географии недовольства [Essletzbichler et al., 2018; McCann, 2020; Ruyter et al., 2021] вместе с изучением «коллективной озлобленности» [MacKinnon et al., 2024] и политической поляризации² [Pruitt, 2024].

² Отдельной темой является отзыв «оставленных мест» в политическом плане – именно они отдают свои голоса (притом весьма активно) за популистские антисистемные партии и политиков. Существует значительное количество работ по данной тематике, однако они скорее политологического характера и в данной статье не рассматриваются, если не имеют выраженного общественно-географического аспекта.

Вместе с тем необходимо отметить существующую теоретическую неопределённость понимания и лимитации «оставленных мест» как с точки зрения концептуальной (что собой представляют?), так и количественной (какие показатели их характеризуют?). К настоящему времени отмечают как минимум временную, реляционную, многомерную, дискурсивную концепции данных территорий, особо подчёркивая, что этот негативный статус не является предопределённым [Tups at al., 2023; Benner at al., 2024]. Неопределённость подчёркивается и разномасштабным (от наднационального до локального) территориальным проявлением в совокупности с одновременным влиянием таких процессов, как метрополизация [MacKinnon et al., 2022], периферизация [Tups at al., 2023], поляризация (которые практически всегда протекают одновременно).

В количественном отношении для лимитации оставленных мест чаще всего ориентируются на такие показатели, как: экономическое развитие, уровень безработицы, производительность труда, уровень образования и квалификации, уровень бедности, миграция, старение населения, депопуляция, уровень здоровья населения, уровень развития инфраструктуры, количество предоставляемых услуг [MacKinnon et al., 2022; Velthuis at al., 2024], расовый состав, доля коренного (родившегося в стране) населения [Rodríguez-Pose at al., 2023].

Сами же «оставленные места» являются неотъемлемой частью периферии – территории, заметно отстающей от наиболее развитых локалитетов по социально-экономическим показателям и имеющую длительный негативно-направленный тренд развития. Им также свойственны: экономическая деградация вместе с социальной маргинализацией, полимасштабность, повсеместность и относительность, миграционный отток, отсутствие возможностей для саморазвития [Анохин, Кузин, 2019]. Однако «оставленные места» это вовсе не переименованные периферии в угоду сомнительной идее изменения старого на новый лад, а неопериферии современности (притом именно в силу импульса формирования).

В этой связи отметим специфические черты «оставленных мест»:

- значительное влияние глобализации – сам термин «оставленные места» предполагает, что из-за глобализации эти территории начинают отставать в экономическом развитии, в то время как немногочисленные центры активно развиваются;
- относительно недавний старт формирования этих мест (в сравнении с традиционными перифериями);
- применяется в основном в отношении стран Глобального Севера, в меньшей степени – для стран Глобального Юга [Tups at al., 2023; Martins, 2024; Mpungose, Myeni, 2025];
- рост влияния в них и благодаря им оппозиционных и популистских политических сил, провозглашающих преодоление заброшенности в пику антinationальным элитам (сюда же можно отнести «политизированные» наименования таких мест – например, Брекситлэнд [Sobolewska, Ford, 2020] и Трамплэнд [Daniel, Whalan, 2021]);
- сложность для преодоления статуса – с одной стороны «заброшенность» не закреплена навсегда [Tups at al., 2023; Benner at al., 2024], а с другой – для её преодоления требуются длительные меры поддержки, на которые из-за короткого горизонта планирования (соответствующего избирательным циклам) власти не идут;
- большая возможность интеграции в теорию новой экономической географии;
- мейнстримность употребления – это новое наполнение исследования периферий и периферизации.

Необходимо отметить, что в отечественной науке сам термин «оставленные места» фактически не используется [Кузин, 2024]. Однако использование сути термина в исследованиях происходило неоднократно – как в общественной географии и региональной экономике [Мартынов, 2001; Кузин, 2024; Мельникова, 2024], так и в политологии [Удалов, Колобов, 2012]. Можно отметить несколько специфических черт изучения «оставленных мест» в отечественной социально-экономической географии:

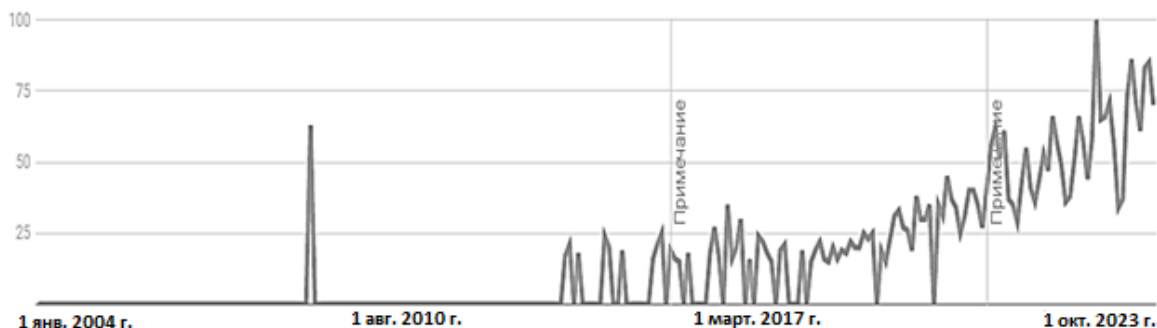
- упор на сущность, а не иноязычное именование;
- большее внимание на фундаментальные факторы формирования;
- фокус на изучение внутренней дифференциации – притом ещё с конца 1980-х – начала 1990-х гг. [Родоман, 1987; Грицай и др., 1991; Каганский, 2012; Родоман, 2012; Лапин, Кутергина, 2016; Кайбичева, 2017; Казаков, 2020; Тагирова, 2020 и др.];
- изучение в контексте периферизации как комплиментарного постсоветскому пространству страны процессу [Нефедова, 2008; Дружинин, 2014; Анохин, Кузин, 2019; и др.];
- большее внимание на комплексно-взаимосвязанный характер – т. е. рассмотрение в неразрывной связи с поляризацией, регионополизацией, метрополизацией [Дружинин, 2013; Лукин, 2014; Исянбаев, 2017; Кузин, 2019; Нефедова и др., 2022а; Нефедова и др., 2022б; и др.].

Исследовательский интерес к проблематике «оставленных мест» достаточно высок. Для подтверждения этого были использованы сервисы *Google Ngram* (доступные данные сейчас ограничиваются 2022 годом) [Google Ngram, 2025] и *Google Trends* (данные доступны с 2004 по 2025 год) [Google Trends, 2025] – в обоих случаях поиск осуществлялся по запросу «left behind places» (рис. 1 и 2).

Рис. 1. Частота запроса left behind places по данным *Google Ngram* в 1970–2022 гг.
(точный запрос в общем числе запросов)

Fig. 1. Frequency of the 'left behind places' query according to *Google Ngram* data in 1970–2022
(the exact query in the total number of queries)

Примечания: разбивка данных по месяцам; отметки «примечание» на графике нанесены в периоды изменения системы сбора данных, частота запросов изменяется от 0 (минимальная) до 100 (максимальная).

Рис. 2. Частота запроса left behind places по данным *Google Trends* в 2004–2025 гг.
Fig. 2. Frequency of the 'left behind places' query according to *Google Trends* in 2004–2025

Взрывной рост интереса к тематике можно выразить не только в количественном росте, но и в качественном – в формировании направлений исследования, различающихся между собой. Применительно к «оставленным местам» на основе анализа основных целей, объектов и предметов исследований, а также получаемых результатов можно выделить следующие основные направления:

- теоретическое;
- методики определения и типологии;
- проблема внутреннего (неоэндогенного) развития;
- связь «оставленных мест» с ростом политического популизма и оппозиционных сил;
- политические меры для решения проблемы оставленных мест;
- оставленные места Глобального Юга;
- отдельные темы исследования (социально-экономическая стагнация и экологические угрозы, устойчивое и инклюзивное развитие).

Рассмотрим каждое из направлений подробнее.

Теоретическое направление – количественно лидирует среди прочих. Это вполне объяснимо – ведь ещё полностью не сформировалась теория и методология, без которых, в свою очередь, практические исследования малорезультативны (если возможны вообще). Термин «оставленные места» способствует изменению понимания современного географического неравенства и развития, переосмысливает его вне исключительно экономического контекста. Наиболее широко распространён англоязычный термин *left behind places*, но также имеются и аналогичные термины на других языках – “*La France peripherique*” («периферийные области») во Франции, “*abgehangte Regionen*” («отстраненные регионы») в Германии, “*Aree Interne*” («внутренние области») в Италии, “*Kimpgebieten*” («сокращающиеся области») в Нидерландах, “*La Espana vaciada*” («опустевшая Испания») в Испании. Подчёркивается разномасштабность проявления, а также теоретическая опора на идеи 1960-х гг. о политической и социальной ответственности (никто не должен оставаться позади, никто не должен быть забыт и оставлен). Активизации исследований способствует растущее в глобальном масштабе неравенство, когда наиболее социально-экономически развитые города и регионы (верхний 10-% квартиль) всё сильнее опережают в своём развитии остальные, особенно наименее развитые территории (нижний 10–25-% квартиль), которые и становятся «оставленными». Отмечается, что локалитеты могут быть как давно оставленными, так и недавно оставленными. Отмечаются важные нерешённые теоретические вопросы: этимологии термина, точного определения дефиниции, лимитации, внутреннего содержания, концептуальной основы (правда это способствует исследованию разными науками и частому использованию политиками). В исследованиях подчёркивается, что причины «оставленности» чаще всего формируются не на месте, а являются проекцией национальных и глобальных процессов, противостоять которым на локальном уровне крайне сложно. Причины же отставания неодинаковы, равно как и показатели её характеризующие. Однако происходит выраженное отставание по социально-экономическим показателям от средненациональных – как объективное, так и субъективное (оценка со стороны жителей). Население сталкивается с многочисленными социальными проблемами (рост безработицы, снижение качества рабочих мест, ухудшение качества социальной инфраструктуры и городской среды, снижение качества и доступности медицины, рост наркомании и алкоголизма и т. д.), неизбежно возникающими на фоне экономических, что формирует оторванность и исключённость жителей этих территорий из жизни общества и государства в целом, и, негативную трансформацию их образа жизни. Они считают себя брошенными, особенно на фоне динамично развивающихся национальных центров. Фактически происходит территориальная стигматизация этих мест. Результатом в социальном плане становится «голосование ногами» – устойчивая миграция из «оставленных мест». Отмечается сложность географии «оставленных мест», которые не всегда формируют территориально-выраженные структуры (что особенно характерно

для развитых стран и менее характерно для развивающихся). Они хуже адаптируются к современным изменениям вследствие низких (относительно потребностей) возможностей, потому происходит их своеобразная консервация в таком статусе: однажды возникнув, географическое неравенство в экономическом развитии и росте само по себе вряд ли будет самокорректирующимся, а скорее самовоспроизводящимся. Также отмечается связь с пространственными процессами периферизации, метрополитизации, поляризации [Дружинин, 2014; Исянбаев, 2017; Казаков, 2020; Тагирова, 2020; Pike at al., 2023; Tierney at al., 2023; Tomaney at al., 2023; Comim at al., 2024; Connor at al., 2024; Eisenberg, 2024; Fikri, 2024; Fiorentino at al., 2024; Jessen, 2024; MacKinnon at al., 2024].

Методики определения и типологии – как отмечено выше, вопрос лимитации «оставленных мест» продолжает оставаться теоретически окончательно нерешённым, что актуализирует разработку различных методик их определения, а также типологий. Хотя работ, посвящённых этой тематике пока немного, они вносят существенный вклад в анализ и изучение «оставленных мест». В работе [Velthuis at al., 2024] на примере стран ЕС-15 на уровне *NUTS3* с использованием ряда экономических, социальных, демографических показателей за 1991–2018 гг., объединённых с использованием кластерного анализа, выделены три типа «оставленных регионов». Для них типичны: экономический и демографический спад, деиндустриализация, старение населения, высокий уровень бедности. И в то же время между ними существуют различия, указывающие на разные типы «оставленности»: падение конкурентоспособности экономики при относительной стабилизации населения (вследствие миграции и доступности жилья); длительный демографический спад (в сочетании со старением населения и слабой миграционной привлекательностью); депопуляция и низкий уровень доходов [Velthuis at al., 2024]. Для изучения «оставленных мест» Великобритании в работе [Davenport, Zaranko, 2020] использовалась комбинация четырёх наиболее значимых показателей: уровня занятости, заработной платы, здравоохранения (доля получающих пособие по нетрудоспособности), уровня образования (высшее образование) на местном уровне. Затем, чтобы объединить информацию по каждому показателю в единый, был составлен индекс «оставленности» на основе индекса Андерсона (высокие значения которого демонстрируют отставание и наоборот). Цель индекса состоит в том, чтобы объединить информацию, полученную из различных показателей, придавая при этом больший вес новой информации за счет меньшего веса переменным, которые коррелируют друг с другом. В результате были выявлены четыре категории оставленных мест: крупные поселения и города, удалённые от Лондона и Юго-Восточной Англии, бывшие промышленные регионы, прибрежные поселения и регионы, изолированные сельские районы [Davenport, Zaranko, 2020]. С учётом важности не только экономических, но и социальных и культурных показателей в работе [Bolton at al., 2019] был разработан индекс общественных потребностей (*Community Needs Index – CNI*). Этот новый индекс определяет районы Англии, в которых отсутствует гражданская инфраструктура (места для встреч, зеленые насаждения и возможности для отдыха), связь – физическая и цифровая, и низко участие местного общества в решении локальных вопросов. Исследование указывает на многогранный характер проблем в этих районах и на важность инфраструктуры, связи и вовлечения сообщества в качестве защитного фактора, который помогает предотвратить укоренение «оставленности» [Bolton at al., 2019].

Проблема внутреннего (неоэндогенного) развития – актуализируется в связи с экономическим отставанием и социальной отчуждённостью. Оставленные места долгое время не исследовались, в отличие от мейнстримных новой экономической географии и эволюционной экономической географии. В их контексте развитие ориентируется на экономический рост, обрекая территории с низким уровнем развития на отставание с неясной перспективой успеха. Потому концепция «развитие» для «оставленных мест» должна быть расширена политическими, социальными, экологическими аспектами в их сложной взаимосвязи. Кроме того, ориентация на наиболее конкурентоспособные отрасли приво-

дит к существенному игнорированию отраслей и видов экономической деятельности с более низкой добавленной стоимостью (например, социальная помощь, досуг, общественные услуги, розничная торговля) в которых занята значительная часть работников в отстающих регионах. Политика поощрения трудовой мобильности не способствует решению проблем отстающих территорий, а скорее ретуширует их, потому в исследованиях стало уделяться внимание поддержке местной экономики через развитие инфраструктуры, повышение квалификации, поддержке инноваций и бизнес-инициатив. Развитие «оставленных мест» требует, наряду с экономическими, и социальных мер, чтобы население не чувствовало себя брошенным и ненужным. В этой связи большое внимание необходимо уделять проблеме эндогенного (точнее – неозэндогенного) развития, предполагающего использование собственного потенциала и возможностей. Неозэндогенное развитие, изначально использовавшееся для исследования сельской местности, в настоящее время применимо для «оставленных мест» в целом и основывается на вере в местный потенциал при признании высокого значения национальных и наднациональных сил. Немаловажную роль при этом играет социальная сплочённость, часто отличающая эти места [Каганский, 2012; Кайбичева, 2017; Flint, Powell, 2021; MacKinnon at al., 2022].

Связь «оставленных мест» с ростом политического популизма и оппозиционных сил – длительный негативный тренд экономического развития неизбежно маргинализирует социум, порождая очевидное недовольство нынешним состоянием и устойчивое ощущение ещё и политической «оставленности». В такой ситуации неудивительным становится достаточно активно выраженное протестное голосование жителей территорий-аутсайдеров за оппозиционные, в том числе и популистские, политические силы. При этом в исследованиях отмечается выраженная связь между уровнем доходов, расовым составом и долей некоренных (не родившихся здесь) жителей, уровнем безработицы (однако отмечается и некоторое несходство этой схемы для европейских стран и США). Также отмечается, что один из важнейших факторов роста оппозиционного голосования – растущая поляризация доходов и межтерриториальное неравенство, высокие градиенты которых усиливают данный рост. В контексте «оставленных мест» это особенно актуально, потому что подобные факты имеют высокую географическую привязку именно к ним. Нельзя также не отметить фактор растущей иммиграции, отношение к которой часто негативное, притом этот негатив продуцируется из «оставленных мест» и конвертируется в голоса за антисистемные партии и политиков. Для оценки роста популизма, в зависимости от уровней межличностного и межтерриториального неравенств (на уровне *NUTS3* для европейских стран и округов в США), применялись эконометрические модели, которые в целом показали согласованность этой зависимости. Также проводились исследования по географическим особенностям голосования за *Brexit*. «Оставленные места» характеризуются высоким социальным капиталом (вкуче с выраженной идентичностью), а, соответственно, и сплочённостью, что в политическом плане позволяет им быть услышанными, компенсируя относительно небольшое число голосов высокой активностью. Во многом именно такие территории («Ржавый пояс», «Соляная кромка» и т. п.) обеспечивают поддержку идеям евроскептицизма и трампизма [Gordon, 2018; Ulrich-Schad, Duncan, 2018; Iammarino at al., 2019; Rodríguez-Pose at al., 2021; Özatağan, Eraydin, 2023; Rodríguez-Pose at al., 2023].

Политические меры для решения проблемы оставленных мест – укоренение оставленных мест в пространстве неизбежно ставит задачу выработки политических мер по их поддержке с перспективой развития. Рост регионального неравенства с 1980-х гг. и особенно влияние глобализации привели к ускоренному росту регионального и внутрирегионального неравенств. Этот рост не корректировался региональной политикой, что ставит на повестку дня разработку её новых механизмов и методов. В этой связи применительно к «оставленным местам» предлагается трансформировать эту политику, делая её более пространственно ориентированной и дифференцированной, с большими полномочиями

местных властей. Однако это предложение вызывает заслуженную критику – как за не самую новую идею, так и из-за слабости местного потенциала, на базе которого местные власти вряд ли смогут добиться значимых результатов (несмотря на любые полномочия). Справедливо отмечено, что, несмотря на определённую общность выделения и функционирования «оставленные места» разных стран требуют разных подходов к их развитию. Это связано как с региональной и национальной спецификами, так и с разными подходами властей к пониманию «оставленных мест». Например, в Великобритании они связываются с проблемой низкой производительности, интерпретируемой с точки зрения шести форм капитала (человеческого, финансового, социального, физического, нематериального, институционального). «Отставленные места» рассматриваются как не имеющие качества или доступности одной или нескольких из этих форм капитала, что приводит к тому, что они попадают в порочный круг низкой производительности, низкого благосостояния, социального отчуждения и низкого качества жизни. В США – это населённые пункты, испытывающие длительную социально-экономическую деградацию, развитие которых требует восстановления их экономики и роста качества человеческого капитала. Решение проблемы «оставленных мест» требует не только экономических, но и социальных, экологических решений, развития инфраструктуры и транспорта. Для развития «оставленных мест» были сформированы национальные программы: *Build Back Better Regional Challenge* (2021 год, США), *Cohesion Policy* (изменялась неоднократно, старт – 1989 год, ЕС), *La Strategia Nazionale per le Aree Interne* (2019 год, Италия) [Лапин, Кутергина, 2016; Martin at al., 2021; Нефёдова и др., 2022a; Martin at al., 2022; Strategia Nazionale..., 2023; Fiorentino at al., 2024].

Оставленные места Глобального Юга – абсолютное большинство исследований по тематике «оставленных мест» сосредоточено на территориях Глобального Севера, однако разнородные последствия глобализации сказываются и на территории Глобального Юга. Здесь исследования подчёркивают ускорение процессов неравномерности социально-экономического развития с нарастанием их градиентов и быстрым формированием «оставленных мест». Между тем, здесь «оставленность» – явление относительно новое, потому присутствует оптимизм по её преодолению в неотдалённой перспективе как в целом в обществе, так и среди представителей власти. Была разработана типология путей регионального развития «оставленных мест» (на примере Замбии). Также отмечается необходимость проведения политики нивелирования негативных последствий глобализации с учётом местной специфики [Tups at al., 2023, Martins, 2024; Mpungose, Myeni, 2025].

Отдельные темы исследования – в это направление объединены исследовательские тематики, которые на данный момент представлены единичными работами. Отмечены следующие темы: социально-экономическая стагнация и экологические угрозы, устойчивое и инклюзивное развитие. Первая сосредоточена на изучении прибрежных районов Великобритании, одновременно оказавшихся в «двойных тисках» социально-экономических проблем вследствие их «оставленности» и нарастающих негативных последствий климатических изменений в экологическом аспекте. Парадоксально, но их совокупное негативное влияние способствует ускорению развития здесь «зелёной экономики» – однако она на данный момент весьма ограничена и отношение к ней на локальном уровне довольно скептическое [Fiorentino at al., 2024]. Устойчивое и инклюзивное развитие в контексте «оставленных мест» пока остаётся крайне малоизученным вопросом, который тем не менее видится вполне актуальным в свете продолжающейся глобализации и изменения климата. В то же время вопрос социальной справедливости и возможностей применительно к таким местам является актуальным и однозначно нерешённым на данный момент. К нему же можно отнести и развитие «зелёной экономики», потенциальной основы будущего устойчивого и инклюзивного социально-экономического развития подобных территорий [Benner at al., 2024].

Необходимо отметить, что концептуальной основой для всех других выступают теоретическое направление исследований и проблемы внутреннего (неоэндогенного) развития. Осевым направлением, проникающим во все и используемым всеми, выступают методики определения и типологии – небольшое же число созданных методик объяснимо незавершённым характером теории. В тесном единстве с вышеотмеченными направлениями (и между собой находится связь «оставленных мест» с ростом политического populism, оппозиционных сил и политических мер для решения проблем «оставленных мест»). При этом первое из них способствует формулированию политико-географических выводов и рекомендаций, а второе – корректировке и перестройке под условия современного мира региональной политики, обеспечивая выход на практическое применение всех исследований по *left behind places*. На основании всех предшествующих направлений, но с выраженной географической спецификой складывается направление «оставленные места Глобального Юга». Наконец, как результат диалектического единства дифференциации и синтеза формируются отдельные темы исследования, представленные пока что лишь изучением социально-экономической стагнации и экологических угроз, а также устойчивого и инклюзивного развития.

Исследование «оставленных мест» помимо теоретического аспекта имеет и вполне выраженный практический, в первую очередь заключающийся в возможностях создания методик мониторинга пространственного развития регионального и внутрирегионального уровней, позволяющих как выделять «оставленные» локалитеты, так и типологизировать их и отмечать «оставленность» в зародыше. В сочетании с теоретическими знаниями это позволит корректировать и при необходимости создавать заново региональную и муниципальную политику, направленную на сглаживание возникающих диспропорций в социально-экономическом развитии и способствующую нивелированию возможного негативного спектра последствий. Практическое применение на внутрирегиональном и региональном уровнях позволит разрабатывать и реалистичную методику уже национального уровня. Ряд программ с подобным подходом уже реализуется (*La Strategia Nazionale per le Aree* и др.), но изменчивость современного мира, возрастание его взаимосвязанности и взаимозависимости делает необходимым их дальнейшее совершенствование, базой для которого должны быть многосторонние исследования «оставленных мест».

Помимо практических перспектив, направленных на региональную политику, можно отметить также несколько других в рамках изучения «оставленных мест». Так, интересной задачей видится анализ соотношения факторов, генерирующих «оставленность» с её анализом как неравновесной открытой системы. Другим перспективным моментом является анализ положительного и отрицательного влияния агентов (акторов), порождающих такие субъективные процессы, как административная рента, метрополизация в целом, политические решения популистского толка. К ним же необходимо отнести и более глубокое изучение роли экстерриториальности в формировании и функционировании «оставленных мест», особенно влияния крупнейших ТНК и глобальных межгосударственных организаций. Географическое расширение исследований с включением государств и отдельных территорий Глобального Юга и постсоциалистических стран – следующая перспектива в исследовании *left behind places*: ведь они имеют своеобразную специфику, в силу которой «механический» перенос подходов, отработанных для стран Глобального Севера, даст малорезультативный итог и будет непродуктивен.

Заключение

Две группы факторов – ситуативные (оказывающие прямое и сильное влияние на конкретную территорию) и фундаментальные (глобализация и её последствия, смена административно-командной экономической системы на рыночную; решения властей в контексте глобализации) в совокупности приводят к формированию «оставленных мест», вы-

ступающих социально-экономическими аутсайдерами в сравнении с «уходящими вперёд» немногочисленными центрами. Это отставание перманентно закрепляется как многоаспектное. Это одновременно указывает на их принадлежность к периферийным территориям, и в то же время – на их собственную специфику, выражающуюся в объективно-субъективных факторах формирования, усиленных глобальными политико-экономическими событиями.

Именно они (финансовый кризис 2008–2009 гг., *Brexit*, СВО) актуализировали и ревитализировали исследование оставленности, уходящее своими корнями в 1970-е гг. Подходы к изучению «оставленных мест» оказались органичны противоречиям и трендам глобализирующегося мира, о чём свидетельствует быстрый рост числа исследований данной тематики.

В настоящее время «оставленные места» являются одной из востребованных и исследуемых тем, не подменяя «традиционные» периферии, но наполняя их новым содержанием глобализованного мира возможностей и проблем. Наряду с количественным ростом публикаций по тематике происходит и её качественный рост.

Последний подтверждается выделением семи тематик исследования «оставленных мест»: теоретической, методики определения и типологии, проблемы внутреннего (неоэндогенного) развития, связи «оставленных мест» с ростом политического популизма и оппозиционных сил, политических мер для решения проблемы «оставленных мест», «оставленных мест» Глобального Юга, отдельные темы исследования. Это свидетельство исследовательской дифференциации и синтеза с одновременной актуализации изучаемой проблемы.

Исследование «оставленных мест» имеет очевидный практический аспект, заключающийся в создании методик мониторинга пространственного развития разных уровней и последующей разработке документов пространственного развития. Они должны быть направлены на уменьшение диспропорций при поддержке эндогенного роста «оставленных мест» для недопущения их дальнейшей деградации.

Исследовательские перспективы изучения «оставленных мест» в настоящее время охватывают: анализ соотношения факторов, генерирующих «оставленность», анализ положительного и отрицательного влияния агентов (акторов), более глубокое изучение роли экстерриториальности в формировании и функционировании «оставленных мест», более подробное исследование государств и отдельных территорий Глобального Юга и постсоциалистических стран в контексте «оставленных мест».

Изучение «оставленных мест» в рамках социально-экономических исследований является не просто мейнстримной зарубежной идеей, а ещё и качественно, и количественно развивающимся направлением, комплиментарным глобализирующемуся миру, испытывающему разнонаправленные воздействия и кризисы.

Список источников

- Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2024. Electronic resource. URL: <https://academic.oup.com/cjres/issue/17/1> (date of access: 10.03.2025).
- Google Ngram. Electronic resource. URL: https://books.google.com/ngrams/graph?content=left+behind+places&year_start=1970&year_end=2022&corpus=en&smoothing=10&case_insensitive=true (date of access 14.03.2025).
- Google Trends. Electronic resource. URL: <https://trends.google.ru/trends/explore?date=2004-01-01%202025-03-14&q=left%20behind%20places&hl=ru> (date of access 14.03.2025).
- Special Session 66 Spatial Policy and Governance for Left-behind Places. 2024. Electronic resource. URL: https://www.researchgate.net/publication/377874363_Special_Session_66_Spatial_Policy_and_Governance_for_Left-behind_Places (date of access: 10.03.2025).
- Strategia Nazionale Aree Interne. Electronic resource. URL: <https://www.agenziacoesione.gov.it/strategia-nazionale-aree-interne/> (date of access: 21.03.2025).

Список литературы

- Анохин А.А., Кузин В.Ю. 2019. Подходы к выделению периферии и периферизация в пространстве современной России. Известия Русского географического общества, 151(1): 3–16. <https://doi.org/10.31857/S0869-607115113-16>
- Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. 1991. Центр и периферия в региональном развитии. М., Институт географии АН СССР, 168 с.
- Дружинин А.Г. 2013. Пространственные возможности и барьеры постиндустриального развития региональной метрополии (на примере Ростова-на-Дону). Региональные исследования, 2(40): 25–32.
- Дружинин А.Г. 2014. Полизависимость в центр-периферийной стратификации территориальной организации общества: основы концепции. Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов, 3: 29–40.
- Исянбаев М.Н. 2017. Депрессивные территории: сущность, формирование, принципы выделения. Вестник ВЭГУ, 4(90): 51–57.
- Каганский В.Л. 2012. Внутренняя периферия – новая растущая зона культурного ландшафта России. Известия РАН. Серия географическая, 6: 23–34.
- Казakov М.Ю. 2020. Пространственно-экономические системы «центр-периферия»: теоретические основы, диагностика проблем, стратегические направления развития. Ставрополь, АГРУС Ставропольского государственного аграрного университета, 608 с.
- Кайбичева Е.И. 2017. Такая многоликая периферия, или к вопросу о типологии периферийных регионов. Вестник Самарского государственного экономического университета, 7(153): 23–29.
- Кузин В.Ю. 2019. Процесс метрополизации современной России в контексте поляризации. Псковский регионологический журнал, 1(37): 33–45.
- Кузин В.Ю. 2024. Центр-периферийная теория в пространственном развитии: критический анализ. Вестник БФУ. Естественные и медицинские науки, 2: 57–67. <https://doi.org/10.5922/vestniknat-2024-2-4>
- Лапин А.В., Кутергина Г.В. 2016. Идентификация и моделирование развития депрессивных территорий: отечественный и зарубежный опыт. Вестник Пермского университета. Серия: Экономика, 1(28): 98–109.
- Лукин Е.В. 2014. Тенденции развития социально-экономического пространства России. Вопросы территориального развития, 7(17): 1–10.
- Мартынов В.Л. 2001. Коммуникационная среда мира и общественное развитие. Мировая экономика и международные отношения, 1: 27–33. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2001-1-27-33>
- Мельникова Л.В. 2024. «Ядро-периферия» и периферийность в региональной науке. Пространственная экономика, 20(1): 144–162. <https://doi.org/10.14530/se.2024.1.144-162>
- Нефедова Т.Г. 2008. Российская периферия как социально-экономический феномен. Региональные исследования, 5(20): 14–30.
- Нефёдова Т.Г., Стрелецкий, В.Н., Трейвиш А.И. 2022а. Поляризация социально-экономического пространства современной России: принципы, направления и последствия. Вестник РАН, 92(6): 551–563. <https://doi.org/10.31857/S0869587322060093>
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И., Шелудков А.В. 2022б. Полимасштабный подход к выявлению пространственного неравенства в России как стимула и тормоза развития. Известия Российской академии наук. Серия географическая, 86(3): 289–309. <https://doi.org/10.31857/S2587556622030128>
- Родоман Б.Б. 1987. Экспрессный транспорт, расселение и охрана природы. В кн.: Методы изучения расселения. М., Ин-т географии АН СССР: 44–54.
- Родоман Б.Б. 2012. Российская внутренняя периферия: взгляд в разных приближениях, на разных уровнях. В кн.: Российская глубинка – модели и методы изучения. М., Эслан: 41–48.
- Тагирова Э.И. 2020. Критерии отнесения регионов к депрессивным территориям. Вестник Алтайской академии экономики и права, 10–3: 309–313. <https://doi.org/10.17513/vaael.1380>
- Удалов В.С., Колобов О.А. 2012. Система «центр – периферия» в современном политическом процессе. Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2–1: 297–301.
- Benner M., Tripp M., Hassink R. 2024. Sustainable and Inclusive Development in Left-Behind Places. Review of Regional Research, 44: 237–249. <https://doi.org/10.1007/s10037-024-00216-w>

- Bolton M., Day R., Leach M. 2019. England's Overlooked Neighbourhoods: Defining, Understanding and Regenerating 'Left Behind' Communities. *Journal of Urban Regeneration and Renewal*, 13(2): 116–123. <https://doi.org/10.69554/SWRD8747>
- Comim Fl., Abreu M., Guinesi M.B.C. 2024. Defining Left Behind Places: an Internationally Comparative Poset Analysis. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 17(1): 163–180. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsad038>
- Connor D.S., Berg A.K., Kemeny T., Kedron P.J. 2024. Who Gets Left Behind by Left Behind Places? *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 17(1): 37–58. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsad031>
- Daniel Z., Whalan R. 2021. *Greetings from Trumpland: How an Unprecedented Presidency Changed Everything*. Sydney, ABC Books, 361 p.
- Davenport A., Zaranko B. 2020. *Levelling Up: Where and How*. In: IFS Green Budget. London, Institute for Fiscal Studies: 315–371.
- Eisenberg A.M. 2024. What does It Mean to be 'Left Behind?' *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 17(2): 425–430. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsae008>
- Essletzbichler J., Disslbacher F., Moser M. 2018. The Victims of Neoliberal Globalisation and the Rise of the Populist Vote: a Comparative Analysis of Three Recent Electoral Decisions. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 11(1): 73–94. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsx025>
- Fikri K. 2024. Persistently Poor, Left-Behind and Chronically Disconnected. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 17(1): 249–258. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsad048>
- Fiorentino S., Glasmeier A.K., Lobao L., Martin R., Tyler P. 2024. 'Left Behind Places': What can be Done about Them? *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 17(2): 259–274. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsae012>
- Fiorentino S., Glasmeier A.K., Lobao L., Martin R., Tyler P. 2024. 'Left Behind Places': What are They and Why do They Matter? *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 17(1): 1–16. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsad044>
- Fiorentino S., Sielker F., Tomaney J. 2024. Coastal Towns as 'Left-Behind Places': Economy, Environment and Planning. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 17(1): 103–116. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsad045>
- Flint J., Powell R. 2021. Beyond the Noosphere? Northern England's 'Left Behind' Urbanism. In: *Global Urbanism: Knowledge, Power and the City*. London, Routledge: 80–88.
- Fuguitt G. 1971. The Places Left Behind: Population Trends and Policy for Rural America. *Rural Sociology*, 36(4): 449–470.
- Gordon I.R. 2018. In What Sense Left Behind by Globalisation? Looking for a Less Reductionist Geography of the Populist Surge in Europe. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 11(1): 95–113. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsx028>
- Iammarino S., Rodriguez-Pose A., Storper M. 2019. Regional Inequality in Europe: Evidence, Theory and Policy Implications. *Journal of Economic Geography*, 19(2): 273–298. <https://doi.org/10.1093/jeg/lby021>
- Jessen S. 2024. The Role of Time and Space in the Identification of Left Behind Regions: a Case Study of Denmark. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 17(1): 201–218. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsad047>
- MacKinnon D., Béal V., Leibert T. 2024. Rethinking 'Left-Behind' Places in a Context of Rising Spatial Inequalities and Political Discontent. *Regional Studies*, 58(6): 1161–1166. <https://doi.org/10.1080/00343404.2023.2291581>
- MacKinnon D., Kempton L., O'Brien P., Ormerod E., Pike A., Tomaney J. 2022. Reframing Urban and Regional 'Development' for 'Left Behind' Places. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 15(1): 39–56. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsab034>
- Martin R., Gardiner B., Pike A., Sunley P., Tyler P. 2021. *Levelling Up Left Behind Places: The Scale and Nature of the Economic and Policy Challenge*. London, Routledge, 140 p.
- Martin R., Martinelli F., Clifton J. 2022. Rethinking Spatial Policy in an Era of Multiple Crises. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 15(1): 3–21. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsab037>
- Martins H. 2024. Left Behind Places in Brazil: the Dynamics of Regional Inequalities and Public Policies in the Early 21st Century. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 17(1): 235–248. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsad035>

- McCann P. 2020. Perceptions of Regional Inequality and the Geography of Discontent: Insights from the UK. *Regional Studies*, 54(2): 256–267. <https://doi.org/10.1080/00343404.2019.1619928>
- Mpungose A., Myeni S.L. 2025. Regional Development and the Challenge of ‘Left Behind’ Places in South Africa. In: *Contemporary South Africa and the Political Economy of Regional Development*. Eds. Mdlalose M., Khambule I., Khalema N.E. London, Routledge: 93–115.
- Özatağan G., Eraydin A. 2023. Political Twists and Turns in Left-Behind Places: Reactions of an Extractive Heartland to Changing State Strategies. *Regional Studies*, 58(6): 1251–1263. <https://doi.org/10.1080/00343404.2023.2249505>
- Pike A., Béal V., Cauchi-Duval N., Franklin R., Kinossian N., Lang Th., Leibert T., MacKinnon D., Rousseau M., Royer J., Servillo L., Tomaney J., Velthuis S. 2023. ‘Left Behind Places’: a Geographical Etymology. *Regional Studies*, 58(6): 1167–1179. <https://doi.org/10.1080/00343404.2023.2167972>
- Pruitt L.R. 2024. Mustering the Political Will to Help Left-Behind Places in a Polarized USA. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 17(2): 407–416. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsae014>
- Rodríguez-Pose A., Lee N., Lipp C. 2021. Golfing with Trump. Social Capital, Decline, Inequality, and the Rise of Populism in the US. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 14(3): 457–481. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsab026>
- Rodríguez-Pose A., Terrero-Dávila J., Lee N. 2023. Left-Behind Versus Unequal Places: Interpersonal Inequality, Economic Decline and the Rise of Populism in the USA and Europe. *Journal of Economic Geography*, 23(5): 951–977. <https://doi.org/10.1093/jeg/lbad005>
- Ruyter A. De, Martin R., Tyler P. 2021. Geographies of Discontent: Sources, Manifestations and Consequences. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 14(3): 381–393. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsab025>
- Sobolewska M., Ford R. 2020. *Brexitland: Identity, Diversity and the Reshaping of British Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 410 p.
- Thomas J.M. 1991. The cities left behind. *Built Environment*, 17(3/4): 218–231.
- Tierney J., Weller S., Barnes T., Beer A. 2023. Left-Behind Neighbourhoods in Old Industrial Regions. *Regional Studies*, 58(6): 1192–1206. <https://doi.org/10.1080/00343404.2023.2234942>
- Tomaney J., Blackman M., Natarajan L., Panayotopoulos-Tsiros D., Sutcliffe-Braithwaite F., Taylor M. 2023. Social Infrastructure and ‘Left-Behind Places’. *Regional Studies*, 58(6): 1237–1250. <https://doi.org/10.1080/00343404.2023.2224828>
- Tups G., Sakala E.N., Dannenberg P. 2023. Hope and Path Development in ‘Left-Behind’ Places – a Southern Perspective. *Regional Studies*, 58(6): 1219–1236. <https://doi.org/10.1080/00343404.2023.2235396>
- Ulrich-Schad J.D., Duncan C.M. 2018. People and Places Left Behind: Work, Culture and Politics in the Rural United States. *The Journal of Peasant Studies*, 45(1): 59–79.
- Velthuis S., Royer J., Le Petit-Guerin M., Cauchi-Duval N., Franklin R., Leibert T., MacKinnon D., Pike A. 2024. Regional Varieties of ‘Left-Behindness’ in the EU15. *Regional Studies*, 59(1): 2417704. <https://doi.org/10.1080/00343404.2024.2417704>

References

- Anokhin A.A., Kuzin V.Yu. 2019. Approaches to the Allocation of Periphery and Peripheralization in the Spatial Development of Modern Russia. *Proceedings of the Russian Geographical Society*, 151(1): 3–16 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S0869-607115113-16>
- Gritsai O.V., Ioffe G.V., Treivish A.I. 1991. *Centre and Periphery in Regional Development*. Moscow, Publ. Institut geografii AN SSSR, 168 p. (in Russian)
- Druzhinin A.G. 2013. Prostranstvennyye vozmozhnosti i baryery postindustrialnogo razvitiya regionalnoy metropolii (na primere Rostova-na-Donu) [Spatial Opportunities and Barriers to Post-Industrial Development of a Regional Metropolis (Using Rostov-on-Don as an Example)]. *Regional'nye issledovaniya*, 2(40): 25–32.
- Druzhinin A.G. 2014. Polizavisimost v tsentro-periferiynoy stratifikatsii territorialnoy organizatsii obshchestva: osnovy kontseptsii [Polydependence in the Center-Periphery Stratification of the Territorial Organization of Society: the Basic of Concepts]. *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Assotsiatsii rossiyskikh geografov-obshchestvovedov*, 3: 29–40.

- Isyanbaev M.N. 2017. Depressive Territories: Essence, Formation, Principles of Identification. *Vestnik VEGU*, 4(90): 51–57 (in Russian).
- Kaganski V.L. 2012. Inner Periphery – New Growing Zone of the Cultural Landscape of Russia. *Regional Research of Russia. Geographic series*, 6: 23–34 (in Russian).
- Kazakov M.Yu. 2020. Prostranstvenno-ekonomicheskiye sistemy «tsentr-periferiya»: teoreticheskiye osnovy. diagnostika problem. strategicheskiye napravleniya razvitiya [Spatial and Economic Systems "Center-Periphery": Theoretical Foundations, Diagnosis of Problems, Strategic Directions of Development]. *Stavropol', Publ. AGRUS Stavropol'skogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 608 p.
- Kaibicheva E.I. 2017. Takaya mnogolikaya periferiya. ili k voprosu o tipologii periferiynykh regionov [Such a Diverse Periphery or to the Question of the Typology of Peripheral Regions]. *Vestnik of Samara State University of Economics*, 7(153): 23–29.
- Kuzin V.Yu. 2019. Metropolisation Process of Contemporary Russia in the Context of Polarization. *Pskov Journal of Regional Studies*, 1(19): 33–45 (in Russian).
- Kuzin V.Yu. 2024. Center-periphery theory in spatial development: a critical analysis. *IKBFU's Vestnik. Series: Natural and Medical Sciences*, 2: 57–67 (in Russian). <https://doi.org/10.5922/vestniknat-2024-2-4>
- Lapin A.V., Kutergina G.V. 2016. Identification of Depressed Areas and Their Development Modeling: Russian and Foreign Experience. *Perm University Herald. Economy*, 1(28): 98–109 (in Russian).
- Lukin E.V. 2014. Trends to Develop Socio-Economic Space in Russia. *Territorial development issues*, 7(17): 1–10 (in Russian).
- Martynov V.L. 2001. Kommunikatsionnaya sreda mira i obshchestvennoye razvitiye [Communications' Environment of the World and Social Development]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 1: 27–33. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2001-1-27-33>
- Melnikova L.V. 2024. Core-Periphery and Peripherality in Regional Science. *Prostranstvennaya ekonomika*, 20(1): 144–162 (in Russian). <https://doi.org/10.14530/se.2024.1.144-162>
- Nefedova T.G. 2008. Rossiyskaya periferiya kak sotsialno-ekonomicheskiy fenomen [Russia's Periphery as a Socio-Economic Phenomenon]. *Regionalnye issledovaniya*, 5(20): 14–30.
- Nefedova T.G., Streletsky V.N., Treivish A.I. 2022a. Polyarizatsiya sotsialno-ekonomicheskogo prostranstva sovremennoy Rossii: printsipy. napravleniya i posledstviya [Polarization of the Socioeconomic Space of Modern Russia: Causes, Directions and Consequences]. *Vestnik RAN*, 92(6): 551–563. <https://doi.org/10.31857/S0869587322060093>
- Nefedova T.G., Treivish A.I., Sheludkov A.V. 2022b. A Multi-Scale Approach to Identifying Spatial Inequality in Russia as Incentive and Obstacle in Development. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 86(3): 289–309 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S2587556622030128>
- Rodoman B.B. 1987. Jekspressnyj transport, rasselenie i ohrana prirody [Express Transport, Resettlement and Nature Conservation]. In: *Metody izuchenija rasselenija [Methods for Studying Settlement]*. Moscow, Publ. Institute of Geography SA USSR: 44–54.
- Rodoman B.B. 2012. Rossijskaja vnutrennjaja periferiya: vzgljad v raznyh priblizhenijah, na raznyh urovnjah [Russian Inner Periphery: a Glance in Different Approximations, at Different Levels]. In: *Rossijskaja glubinka – modeli i metody izuchenija [Russian Province – Models and Methods of Studying]*. Moscow, Publ. Eslan: 41–48.
- Tagirova E.I. 2020. Criteria for Assigning Regions to Depressive Territories. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*, 10–3: 309–313 (in Russian). <https://doi.org/10.17513/vaael.1380>
- Udalov V.S., Kolobov O.A. 2012. The Center – Periphery System in the Contemporary Political Process. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2–1: 297–301 (in Russian).
- Benner M., Tripp M., Hassink R. 2024. Sustainable and Inclusive Development in Left-Behind Places. *Review of Regional Research*, 44: 237–249. <https://doi.org/10.1007/s10037-024-00216-w>
- Bolton M., Day R., Leach M. 2019. England's Overlooked Neighbourhoods: Defining, Understanding and Regenerating 'Left Behind' Communities. *Journal of Urban Regeneration and Renewal*, 13(2): 116–123. <https://doi.org/10.69554/SWRD8747>
- Comim Fl., Abreu M., Guinesi M.B.C. 2024. Defining Left Behind Places: an Internationally Comparative Poset Analysis. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 17(1): 163–180. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsad038>

- Connor D.S., Berg A.K., Kemeny T., Kedron P.J. 2024. Who Gets Left Behind by Left Behind Places? *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 17(1): 37–58. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsad031>
- Daniel Z., Whalan R. 2021. *Greetings from Trumpland: How an Unprecedented Presidency Changed Everything*. Sydney, ABC Books, 361 p.
- Davenport A., Zaranko B. 2020. *Levelling Up: Where and How*. In: *IFS Green Budget*. London, Institute for Fiscal Studies: 315–371.
- Eisenberg A.M. 2024. What does It Mean to be ‘Left Behind?’ *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 17(2): 425–430. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsae008>
- Essletzbichler J., Disslbacher F., Moser M. 2018. The Victims of Neoliberal Globalisation and the Rise of the Populist Vote: a Comparative Analysis of Three Recent Electoral Decisions. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 11(1): 73–94. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsx025>
- Fikri K. 2024. Persistently Poor, Left-Behind and Chronically Disconnected. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 17(1): 249–258. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsad048>
- Fiorentino S., Glasmeier A.K., Lobao L., Martin R., Tyler P. 2024. ‘Left Behind Places’: What can be Done about Them? *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 17(2): 259–274. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsae012>
- Fiorentino S., Glasmeier A.K., Lobao L., Martin R., Tyler P. 2024. ‘Left Behind Places’: What are They and Why do They Matter? *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 17(1): 1–16. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsad044>
- Fiorentino S., Sielker F., Tomaney J. 2024. Coastal Towns as ‘Left-Behind Places’: Economy, Environment and Planning. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 17(1): 103–116. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsad045>
- Flint J., Powell R. 2021. Beyond the Noosphere? Northern England’s ‘Left Behind’ Urbanism. In: *Global Urbanism: Knowledge, Power and the City*. London, Routledge: 80–88.
- Fuguitt G. 1971. The Places Left Behind: Population Trends and Policy for Rural America. *Rural Sociology*, 36(4): 449–470.
- Gordon I.R. 2018. In What Sense Left Behind by Globalisation? Looking for a Less Reductionist Geography of the Populist Surge in Europe. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 11(1): 95–113. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsx028>
- Iammarino S., Rodriguez-Pose A., Storper M. 2019. Regional Inequality in Europe: Evidence, Theory and Policy Implications. *Journal of Economic Geography*, 19(2): 273–298. <https://doi.org/10.1093/jeg/lby021>
- Jessen S. 2024. The Role of Time and Space in the Identification of Left Behind Regions: a Case Study of Denmark. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 17(1): 201–218. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsad047>
- MacKinnon D., Béal V., Leibert T. 2024. Rethinking ‘Left-Behind’ Places in a Context of Rising Spatial Inequalities and Political Discontent. *Regional Studies*, 58(6): 1161–1166. <https://doi.org/10.1080/00343404.2023.2291581>
- MacKinnon D., Kempton L., O’Brien P., Ormerod E., Pike A., Tomaney J. 2022. Reframing Urban and Regional ‘Development’ for ‘Left Behind’ Places. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 15(1): 39–56. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsab034>
- Martin R., Gardiner B., Pike A., Sunley P., Tyler P. 2021. *Levelling Up Left Behind Places: The Scale and Nature of the Economic and Policy Challenge*. London, Routledge, 140 p.
- Martin R., Martinelli F., Clifton J. 2022. Rethinking Spatial Policy in an Era of Multiple Crises. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 15(1): 3–21. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsab037>
- Martins H. 2024. Left Behind Places in Brazil: the Dynamics of Regional Inequalities and Public Policies in the Early 21st Century. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 17(1): 235–248. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsad035>
- McCann P. 2020. Perceptions of Regional Inequality and the Geography of Discontent: Insights from the UK. *Regional Studies*, 54(2): 256–267. <https://doi.org/10.1080/00343404.2019.1619928>
- Mpungose A., Myeni S.L. 2025. Regional Development and the Challenge of ‘Left Behind’ Places in South Africa. In: *Contemporary South Africa and the Political Economy of Regional Development*. Eds. Mdlalose M., Khambule I., Khalema N.E. London, Routledge: 93–115.

- Özatağan G., Eraydin A. 2023. Political Twists and Turns in Left-Behind Places: Reactions of an Extractive Heartland to Changing State Strategies. *Regional Studies*, 58(6): 1251–1263. <https://doi.org/10.1080/00343404.2023.2249505>
- Pike A., Béal V., Cauchi-Duval N., Franklin R., Kinossian N., Lang Th., Leibert T., MacKinnon D., Rousseau M., Royer J., Servillo L., Tomaney J., Velthuis S. 2023. ‘Left Behind Places’: a Geographical Etymology. *Regional Studies*, 58(6): 1167–1179. <https://doi.org/10.1080/00343404.2023.2167972>
- Pruitt L.R. 2024. Mustering the Political Will to Help Left-Behind Places in a Polarized USA. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 17(2): 407–416. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsae014>
- Rodríguez-Pose A., Lee N., Lipp C. 2021. Golfing with Trump. Social Capital, Decline, Inequality, and the Rise of Populism in the US. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 14(3): 457–481. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsab026>
- Rodríguez-Pose A., Terrero-Dávila J., Lee N. 2023. Left-Behind Versus Unequal Places: Interpersonal Inequality, Economic Decline and the Rise of Populism in the USA and Europe. *Journal of Economic Geography*, 23(5): 951–977. <https://doi.org/10.1093/jeg/lbad005>
- Ruyter A. De, Martin R., Tyler P. 2021. Geographies of Discontent: Sources, Manifestations and Consequences. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 14(3): 381–393. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsab025>
- Sobolewska M., Ford R. 2020. *Brexitland: Identity, Diversity and the Reshaping of British Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 410 p.
- Thomas J.M. 1991. The cities left behind. *Built Environment*, 17(3/4): 218–231.
- Tierney J., Weller S., Barnes T., Beer A. 2023. Left-Behind Neighbourhoods in Old Industrial Regions. *Regional Studies*, 58(6): 1192–1206. <https://doi.org/10.1080/00343404.2023.2234942>
- Tomaney J., Blackman M., Natarajan L., Panayotopoulos-Tsiros D., Sutcliffe-Braithwaite F., Taylor M. 2023. Social Infrastructure and ‘Left-Behind Places’. *Regional Studies*, 58(6): 1237–1250. <https://doi.org/10.1080/00343404.2023.2224828>
- Tups G., Sakala E.N., Dannenberg P. 2023. Hope and Path Development in ‘Left-Behind’ Places – a Southern Perspective. *Regional Studies*, 58(6): 1219–1236. <https://doi.org/10.1080/00343404.2023.2235396>
- Ulrich-Schad J.D., Duncan C.M. 2018. People and Places Left Behind: Work, Culture and Politics in the Rural United States. *The Journal of Peasant Studies*, 45(1): 59–79.
- Velthuis S., Royer J., Le Petit-Guerin M., Cauchi-Duval N., Franklin R., Leibert T., MacKinnon D., Pike A. 2024. Regional Varieties of ‘Left-Behindness’ in the EU15. *Regional Studies*, 59(1): 2417704. <https://doi.org/10.1080/00343404.2024.2417704>

*Поступила в редакцию 26.03.2025;
поступила после рецензирования 24.04.2025;
принята к публикации 03.06.2025*

*Received March 26, 2025;
Revised April 24, 2025;
Accepted June 03, 2025*

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузин Вадим Юрьевич, кандидат географических наук, доцент эколого-географического отделения, Северо-восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim Yu. Kuzin, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of the Department of Ecology and Geography, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia